

ИЗ МАТЕРИАЛОВ «СТРОГАНОВСКОЙ АКАДЕМИИ»

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА
И ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ

Публикация М. Азадовского*

В истории русской литературы и общественной мысли почти совершенно не изучена чрезвычайно существенная тема о влиянии французской эмиграции эпохи революции 1789 г. на русскую литературу. Вместе с тем, это должно стать и главой из истории французской литературы, так как основным материалом для изучения должны быть памятники литературы на французском языке, но выпущенные и опубликованные в России. Конечно, было бы ошибочно утверждать, что эта тема совсем не ставилась. Отдельные явления неоднократно привлекали внимание исследователей, так, например, в достаточной степени освещена и изучена своеобразная фигура Жозефа де Местра и учено его влияние на русских мыслителей. Изучены и некоторые другие более или менее выдающиеся деятели из среды французских эмигрантов в России, но вопрос в целом, в полном его объеме еще не поставлен. Состав французской эмиграции в России был очень разнообразен и включал, наряду с крупными деятелями литературы и общественной мысли, и ряд имен второстепенных писателей и публицистов, малозначительных самих по себе, но представляющих внушительный, в своей совокупности, отряд и сыгравших не малую роль в формировании идей русского дворянства начала прошлого века. Они посещали русские салоны, принимали участие в русской прессе, выпускали отдельными изданиями свои произведения и т. д. Вот эта-то литература в целом еще совершенно не изучена, не учтена библиографически, и уже совершенно оставлены без внимания относящиеся к этой теме рукописные материалы, хранящиеся в различных архивах. Таким образом, нам еще не достаточно ясны ни состав, ни размеры эмигрантской литературы в России, ни ее основные линии, ни те пути, по которым шло влияние ее на русскую. В связи с последним вопросом стоит и другой—вопрос о русских писателях, писавших и печатавшихся на французском языке. Материалы для данной темы довольно значительны, но разбросаны по разным местам. В частности, чрезвычайно большой интерес представляют еще до сих пор не обследованные бумаги Строгановых, хранящиеся в библиотеке Томского университета.

Как известно, в эту библиотеку в свое время перешла богатейшая библиотека графов Строгановых, описание которой было дано в 1914 г. на страницах «Русского Библиофила»¹. Передана она была одним из самых блестящих представителей строгановского рода, графом Алексан-

* Переводы стихов—М. Талова.

дром Григорьевичем Строгановым (1796—1891), знаменитым собеседником Байрона и (если верна гипотеза С. Н. Дурылина) Гёте².

Кроме замечательного книжного собрания, в библиотеку перешел и ряд рукописей, принадлежавших Строганову; часть их вскоре была затребована обратно, как содержащая личные бумаги графов Строгановых, часть была передана в Государственную публичную библиотеку, некоторые же, имеющие, по преимуществу, характер альбомов и рукописных сборников, остались в Томске³.

Особенный интерес в этом собрании представляют сборники альбомного типа, озаглавленные: «Archives d'Apollon»; «Pot-pourri 1803» («Pot-pourri, commencé je ne sais quelle année, achevé à l'année 1803»); «Pot-pourri 1809»; «Veilles d'amitié» и др. Из описания Милютин не ясно, кому именно принадлежали эти альбомы. На некоторых имеется надпись: baron Al. Stroganoff. Авторы очерка в «Русском Библиофиле» не останавливаются особо на имени владельца, считая, очевидно, что упоминаемый барон Ал. Строганов—тот же самый Ал. Строганов, который явился и последним владельцем этих альбомов. Действительно, граф Александр Григорьевич Строганов в начале XIX в., т. е. ко времени, которым датируются эти альбомы, был еще бароном, но дальнейшие хронологические даты определенно противоречат такому приурочению: в 1803 г. Ал. Гр. Строганов был ребенком и, конечно, не мог ни владеть подобными альбомами, ни писать в них.

Устная традиция в Томске соединяла эти альбомы с именем другого Александра Строганова—именно Александра Сергеевича, известного мецената александровского и николаевского времени, но это уже абсолютно неверно хотя бы потому, что последний в эти годы уже был графом, а не бароном.

Строгановы были тесно связаны с меценатством в различных его проявлениях, как в области искусства, так и в области науки, и как раз имена двух Александров Строгановых особенно популярны: один из них, только-что названный Александр Сергеевич, был президентом Академии художеств, директором Публичной библиотеки, владельцем замечательного собрания картин; другой, уже упомянутый Александр Григорьевич, был президентом Одесского общества истории и древностей российских и тратил большие средства на археологические изыскания,—естественно, что традиция, отразившаяся и в печатных источниках, приписывала этим Строгановым и рукописное наследие, хранившееся в библиотеке Томского университета. Однако, внимательный анализ всех относящихся сюда свидетельств ведет к иному имени и к иной ветви Строгановых, выдвигая на сцену малоизвестное имя барона Александра Сергеевича Строганова, бывшего гофмаршалом и жившего с 1771 по 1815 гг. Александру Григорьевичу Строганову он приходился двоюродным дядей и, в свою очередь, был двоюродным племянником графа Александра Сергеевича. Женат он был на княжне Софье Александровне Урусовой, скончавшейся в 1801 г., вскоре же после замужества; вторично барон А. С. Строганов не женился и умер бездетным,—этим и объясняется, почему принадлежавшие ему рукописи оказались во владении Александра Григорьевича Строганова. Они перешли к нему, как к наследнику, ввиду полного прекращения линии Сергея Николаевича Строганова.

Сам барон А. С. Строганов принадлежал к числу русских литераторов, писавших и печатавшихся по-французски. В 1808 г. в Женеве вышло

два томика его «Lettres à ses amis»—собрание анекдотов, порою весьма любопытных, о дворе, о деятелях искусств, о государственных деятелях его времени, а также ряд впечатлений о посещенных им городах: Риме, Неаполе, Венеции и др. Почитатель барона А. С. Строганова, многим ему обязанный французский эмигрант Спада⁴, вспоминал позже об этом произведении во внешне лестных, но, по существу, очень уклончивых выражениях: «Если оно не дает достаточных оснований для того, чтобы причислить барона Строганова к большому числу знаменитых личностей его страны, которые с блестящим успехом занимались литературой, оно, по крайней мере, свидетельствует о его склонности ко всему, что служит для образования, дает основательные знания, украшает ум и питает мысли».

С именем этого Строганова связано и все окружение альбома. Отец А. С. Строганова, барон Сергей Николаевич, был женат на княжне Наталье Михайловне Белосельской (ум. в 1819 г.), и последняя является также одной из участниц Строгановских альбомов: ей принадлежат ряд мелких заметок и большая рукопись, озаглавленная «Pour mes sœurs», представляющая собой описание путешествия из Петербурга в Париж, совершенное ею вместе с тогда еще малолетним сыном в 1780—1781 гг. Эта рукопись опубликована⁵.

Наталья Михайловна Белосельская была сестрой деятеля екатерининской эпохи и писателя, князя Александра Михайловича Белосельского (писавшего преимущественно по-французски), прозванного «московским Аполлоном»⁶; дочь последнего, известная Зинаида Волконская, приходилась, таким образом, племянницей Наталье Михайловне Строгановой и кузиной ее сыну. Альбомы тесно связаны с Белосельскими. В «Archives d'Apollon» помещена «Надгробная князю Александру Михайловичу Белосельскому», сочиненная Иваном Ивановичем Дмитриевым:

Пусть Клио род его от Рюрика ведет,
Поэт, к достоинству любовью привлеченный,
С благоговением на камень сей кладет
Венок, слезами муз и дружбы орошенный.

Но более всего представлена в альбомах Зинаида Белосельская—об этом мы будем еще говорить ниже; пока же нужно только отметить, что она является и одним из крупнейших вкладчиков в эти альбомы и сборники и лицом, к которому относится большое количество записанных в них посланий, куплетов, посвящений и пр. Затем, в альбоме встречаются имена кн. Салтыковой, Власовой; это также все урожденные Белосельские: первая—сестра Натальи Михайловны, вторая—ее племянница и сестра Зинаиды.

Страницы альбомов дают ясное указание и на главный источник их происхождения: они создались, в основном, в результате заседаний «Строгановской Академии». Это название несколько раз встречается в альбомах: упоминаются заседания «Академии», ее «президент» и т. д. «Строгановская Академия»—конечно, не официальное название какого-либо учреждения; это—интимное наименование дружеских вечеров, бывавших у Строгановых и посвященных, в значительной мере, литературе и искусству,—другими словами, речь идет о своего рода литературном салоне, хозяевами которого были барон и баронесса (сын и мать) Строгановы; душой же этого салона была, очевидно, княжна Зинаида Белосельская, вскоре ставшая княгиней Волконской. Характер большей части материа-

лов, имеющих в этих альбомах, подтверждает их салонное происхождение: преобладают посвящения, мадригалы, разного рода куплеты, стихи на заданные рифмы, рассказы на определенные заданные слова, шарарды и пр. Ряд «статей» Зинаиды Волконской является такого типа рассказами:

«Conte composé par la princesse Zénéide Wolchonsky (soleil, pyramide, fainéant, mirmidon, chapiteaux, ancre, Minerva, Athènes, cordonnier, pot) или «Conte sur ses mots: Adèle, meurtre, Alphonse, jalousie, Chartreuse, tombeaux, Mânes, plaisirs, fleurs, désespoir, folie, mort, pleurs, croix, prière».

Есть посвящения самой «Строгановской Академии»; самым важным и типичным памятником в этом отношении являются стихи Зинаиды Волконской, посвященные «президенту Академии», т. е. барону А. С. Строганову:

VERS AU PRESIDENT DE L'ACADEMIE STROGONOVienne

Grâce à l'aimable Président,
 La liberté qu'on aime tant
 Règne dans notre Académie.
 Vive la paix et l'harmonie!
 «Examinez tous mes tableaux»,—
 Dit-il un jour, et pour cause:
 «Convoitez tour à tour mes roses, mes tombeaux
 «Et que sur ces sujets chacun de vous compose,
 «Travaille, brode et glose
 «Histoire ou conte, mais surtout
 «Point de conte à dormir debout».
 Il dit: chacun est prêt à se soumettre à tout.
 Monté sur un fauteuil, l'un fixe un paysage,
 L'autre plus prudent et plus sage,
 Pour descendre un tableau se sert du bras d'autrui:
 Comme jadis, le singe de la fable,
 Sut employer Raton, quoique moins fin que lui.
 Un autre épouvanté dit la chose infaisable
 Et se plaint de l'ordre un peu dur,
 Qui le met au pied du mur.
 Moi cependant, aux lois du Président soumise,
 Je cherche en me grattant le front
 Dans tous les coins du salon
 Un objet dont l'aspect m'inspire et m'électrise:
 Quand soudain un portrait arrête mon regard
 Il me décide et sans trop de retard,
 Après avoir invoqué l'indulgence,
 Comme un prédicateur devant son assistance,
 Je tousse pour trois fois, me rengorge avec art
 Et la plume en main, je commence:
 Je chante ce héros tout habillé de bleu,
 Que la main de Lebrun a peint en d e m i-D i e u;
 Tous ses traits y sont bien, jusqu'à son cœur aimable,
 Et jusqu'à ce talent, doux, facile, agréable,

Pour égayer l'esprit, pour attendrir les cœurs,
 Quand sur les pas de Stern il va cueillir des fleurs.
 Enfin je vois jusqu'à son caractère,
 Qui met tout son bonheur à consoler sa mère,
 Et qui mieux que le temps sut essuyer ses pleurs.
 J'en pourrais dire plus sur sa physionomie,
 Mais craignons de pousser à bout sa modestie:
 Motus—voilà mon conte fait...
 Que dis-je un conte? Et non c'est une histoire,
 Le vrai seul y domine et vous pouvez m'en croire:
 Parler d'un tendre fils, d'un ami bon, discret,
 Qui joint au don de plaire un esprit sans apprêt;
 C'est nommer à mon auditoire
 Le modèle de ce portrait.

Перевод:

К ПРЕЗИДЕНТУ СТРОГАНОВСКОЙ АКАДЕМИИ

Наш президент виной тому,
 Что в Академии уму
 И сердцу все даны свободы.
 Благословенны эти своды!
 «Вот перед вами ряд картин»—
 Сказал он как-то нам. «Взгляните
 «На этот мавзолей иль там—на вид картин...
 «Себе сюжет по вкусу изберите,
 «И каждый пусть затем, благословясь,
 «Расскажет повесть нам иль сказки сложит вязь,
 «Но только чтоб от них мы не заснули стоя!».
 Так он изрек, и мы сдались ему без боя.
 Один на кресло влез и смотрит на пейзаж,
 Другой марину взять готов на бордаж,
 С условием, чтоб сосед держал его подмышку,
 Напоминая нам ту самую Маргышку,
 Которой в басне раз Крысенок был в заслон.
 А третий сам не свой: ему весь мир не сладок,
 Не по нутру ему порядок,
 Когда строчить пером обязан даже он.
 Лишь я, покорная, отбросила сомненье,
 И, потирая лоб, обшариваю зал,
 Чтоб где-нибудь мой взор избрал
 Предмет, который бы навеял вдохновенье;
 Как вдруг внимание остановил портрет,—
 И вот уж я горю: сюжета лучше нет!
 И опустив глаза смиренно пред народом,
 Как в проповеди поп перед приходом,
 Трикратно кашлянув, чтоб дело шло верней,
 Отважно занялась я одою своей:
 «Пою тебя, герой в кафтане голубом,
 Тебя, кого Лебрён рисует по лубоги!
 Все верно выражено: сердце и черты,
 И даже милый дар сквозит в портрете строгом,—

Радушье, полное ума и теплоты,
 С которыми, как Стерн, собираешь ты цветы.
 И более того: мне видно даже рвенье,
 С каким ты матери приносишь утешенье,
 Успешней времени слезу стирая ей.
 О, много есть еще в наружности твоей,
 Но скромность пощадим и предпочтем молчанье;
 Ни звука! Кончено сказанье!..
 Сказанье? Вовсе нет! Правдивый лишь рассказ;
 В нем истина царит,—в том заверяю вас!
 Сказать: вот добрый сын, вот верный друг среди света,
 Вот тот, кто с ласковостью слил свободный дух,—
 То значило б назвать пред вами вслух
 Модель портрета.

Тому же А. С. Строганову посвящены и стихи одного из французских эмигрантов, посетителя строгановских салонов, А. Rey.

VERS POUR LE PORTRAIT DE M. LE BARON DE STROGONOFF

Qui le connaît doit l'admirer,
 Il est des vertus le modèle,
 Ses yeux commandent de l'aimer,
 A cet ordre qui n'est fidèle.

Перевод:

НА ПОРТРЕТ БАРОНА СТРОГАНОВА

Он всем внушает восхищенье,
 Он—совершенства воплощенье,
 И на кого ни поглядит,—
 Во всех одну любовь родит.

Эти стихи и посвящения, в основном, по большей части, конечно,— безделушки, но они приобретают особый смысл и служат яркими документами для характеристики определенного круга и эпохи и носят отчетливый политический характер; они дают возможность судить об интересах, господствовавших в аристократической среде русского общества в начале XIX в., точнее, в период между революцией 1789 г. и войной 1812 г.; вместе с тем, они вскрывают и один из источников некоторых течений русской литературы и русской общественной мысли. Чрезвычайно важен и существенен уже самый состав непосредственных участников Строгановских альбомов, а стало быть, и строгановского салона. С одной стороны, аристократический круг хозяев, их ближайших родственников и друзей; здесь нужно назвать, помимо самих Строгановых и Белосельских, А. М. Пушкина, С. Неелова, кн. И. Долгорукова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Бороздину, Писаревых и др.,—с другой стороны, ряд французских эмигрантов: Comte Xavier de Maistre, A. Spada, Alb. Rey, A. Mülhauser, Ant. Courtener, Peyran, J. Chaponnier, M. Laurent и других, и именно последние, т. е. эмигранты, дают основной тон этим альбомам, как, несомненно, они накладывали свой отпечаток и на общий характер строгановского салона. Последний явился и по своей форме сколком парижских салонов предреволюционной поры,—в значительной степени он отразил и их идеологию, идеологию французского аристократического

дворянства, его неглубокое вольнодумство, его роялистские симпатии и, особенно, страх перед революцией и смертельную ненависть к ней. И наряду с привычными легкими формами салонной поэзии, страницы альбома хранят порой резкую политическую инвективу, идиллические воспоминания о прошлой, т. е. дореволюционной, жизни, благоговейные воспоминания о казненной королевской чете и пр. Среди литературы этого типа, наряду с оригинальными пьесами, очень много списков различного рода памфлетов, эпиграмм, пьес и т. п., так, например, в «Archives d'Apollon» переписан «Quatrain pour Marie-Antoinette, reine de France», в «Pot-pourri 1808» переписан памфлет: «L'ombre de Catherine Seconde aux Champs Elysées» и др. Правда, количество произведений, носящих такую резкую политическую окраску, не очень много, но именно они дают тон, и в их свете определенный оттенок принимают и прочие материалы: эта легкая, безыдейная, аполитичная поэзия оказывается тесно связанной с основной линией—с линией реакции и контрреволюции; она является их неизбежным спутником, ибо все эти мадригалы, романсы, куплеты, подписи к портретам и пр.—не что иное, как попытка построить призрачную жизнь и воскресить тени разбитого прошлого. Строгановский салон, видимо, находился всецело под влиянием эмигрантов и являлся очагом реакционных тенденций; последние нашли яркое отражение и на страницах альбомов, и только изредка можно уловить кое-где характерные для других Строгановых черты умеренного и аристократического либерализма, типичным представителем которого был, например, Павел Строганов⁷. Дворянская литература конца XVIII в. питалась различными источниками, и путь ее был сложен. С одной стороны, она стремилась обратиться к народности и спускалась к фольклору, с другой—искала стыка с реакционной эмиграцией. Эти моменты отчетливо представлены в Строгановских альбомах, где объединились Нелединский-Мелецкий, С. Бороздина, Писаревы, Неелов, З. Волконская и французские эмигранты.

Строгановские бумаги заслуживают самого глубокого внимания, и к ним, несомненно, не раз еще обратится историк русского общества начала XIX в.; огромный материал дают они и для истории идейных связей русского аристократического дворянства с дворянством французским, но это еще дело будущего,—в настоящей заметке мы ограничимся только публикацией некоторых литературных материалов, в частности, материалов, связанных с именами Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской.

Из эмигрантов—участников Строгановских альбомов—наиболее крупной фигурой был, конечно, граф Ксавье де Местр, в то время уже известный писатель, автор «Voyage autour de ma chambre». Биография Ксавье де Местра сравнительно мало известна; он как-то затерялся в лучах славы своего старшего брата, как писал об этом еще сто лет тому назад Сент-Бёв, и, в сущности, он и до сих пор не нашел своего места в европейской литературе. Особенно недостаточно изучен русский период его жизни, хотя русская тема заняла не мало места в его писаниях, и в своей национальной литературе он известен не только, как автор «Voyage autour de ma chambre», но и как автор «La jeune Sibérienne». На русском языке небольшая сводка биографического характера была опубликована сравнительно недавно А. И. Некрасовым⁸. Эмигрировав в эпоху революции, Ксавье де Местр принимал участие в войне с Наполеоном, будучи в чине капитана, в рядах русской армии Суворова в Италии. После смерти Суво-

рова в 1800 г. он остался без всяких средств к существованию и, живя в это время в Москве, «решил утилизировать свой талант живописца». Он стал рисовать портреты (миниатюры), находя заказчиков среди общества аристократических гостиных Москвы, постоянным посетителем которых являлся. Годы 1805—1810 Ксавье де Местр живет в Петербурге, где одно время служит, занимая посты директора Морского музея и библиотекаря Адмиралтейства. В 1810 г. он принимает участие в кавказской войне, после чего в 1811 г. возвращается в Петербург.

Бесспорно, что Ксавье де Местр был и одной из центральных фигур семьи Строгановых, тем более, что в 1813 г. он женится на Софье Ивановне Загряжской, которая была в близком родстве со Строгановыми⁹. В альбомах он отражен недостаточно богато в количественном отношении, но очень характерно и ярко. Из его пьес в альбоме имеется автограф известного стихотворения «Le papillon». Там же есть стихотворение на ту же тему Зинаиды Волконской (тогда еще Белосельской). Очевидно, обе эти пьесы возникли на заседаниях «Строгановской Академии» в результате литературного соревнования между Ксавье де Местром и княжной Зинаидой. Две другие пьесы вскрывают новые ноты в поэзии Ксавье де Местра.

Но основным вкладчиком в альбомы является, безусловно, Зинаида Волконская. О ней существует значительная литература, и образ ее довольно хорошо известен читателям¹⁰, однако, по большей части, мы имеем дело с панегирической литературой, в которой за идеализированным обликом писательницы стирается истинная сущность ее личности и деятельности; за восторженными оценками и характеристиками совершенно не видны настоящие очертания этой действительно замечательной женщины. Подлинный образ ее, в конечном счете, неясен: он сложен и противоречив. Близкая к московским «любомудрам», разделяющая их национальные тенденции, позже развившиеся в политические концепции славянофильства, она остается чуждой русскому духу и является французской писательницей, даже и в своих славянофильских произведениях. Ее

*J'en avais un; la mort me l'a ôté.
C'est la date au commencement de sa
Carrière, au moment où son amitié étoit
devenue un besoin pressant pour moi.
Paris. 1786.*

*Depuis cette époque d'autres pertes sont
survenues quatre frères, cinq sœurs, tous
les compagnons de ma jeunesse, tous mes
enfants. mais un saint-paul de terre me
sépara d'eux; non minime. Paris—1808.*

*Bonneur, santé et longue vie à mon
cassinet ami Dmitri Solgorovitch*
K. M.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА НА ОБОРОТЕ
АВТОПОРТРЕТА 1838 г.:

У меня был один [друг]; смерть отняла его у меня. Она унесла его в самом начале его жизненного пути, в ту минуту, когда его дружба стала настоящей потребностью моей души. 1786.

С той поры я испытал другие потери: четыре брата, пять сестер, все товарищи моей юности, все мои дети. Но уже небольшой промежуток времени отделяет меня от них; я не ропщу.—1838.

Счастья, здоровья и долгой жизни моему превосходному другу Дмитрию Долгорукому.

Кс. М.

Институт мировой литературы
им. Горького, Москва

КСАВЬЕ ДЕ МЕСТР

Автопортрет. Рисунок карандашом
1838 г.

Институт мировой литературы
им. Горького, Москва

«Tableau Slave» и «Olga» написаны на французском языке, и один из горячих ее поклонников, Ив. Киреевский, с сожалением говорил о ней, как о русском таланте, отнятом французской литературой. И в то же время эта французская писательница усиленно занимается русским фольклором, русской историей, выступает с проектом создания «Русского общества» (Société russe) для организации национального музея и публикации научных работ по истории и археологии. Эти повышенные национальные интересы не помешали ей фактически оторваться от русской жизни и кончить жизнь в окружении католических аббатов и монахов. «Католическую церковь,—пишет С. М. Волконский,—З. А. Волконская причислена к лику блаженных»¹¹,—но он забывает добавить, что предварительно она была буквально ограблена и разорена этой же самой церковью. Противоречивы и ее политические взгляды и симпатии. Ее салон в Москве (в 20-х годах) был, несомненно, выразителем передовых тенденций русского общества, руководимого тогда еще дворянской интеллигенцией; знаменитые проходы, которые Зинаида Волконская устроила ехавшей в Сибирь к мужу Марии Волконской, были своего рода политической демонстрацией,—и так они и были приняты Николаем. Но если ее политические взгляды являлись прогрессивными по отношению к режиму Николая I, в общей линии русской общественной мысли и русского исторического процесса они являются, конечно, реакционными. Николаю I она противопоставляла не республиканские идеалы и даже не идеалы просвещенного конституционного монарха, но «рыцарский» облик Александра I¹². Ее уход в католичество и мрачная старость не случайны, но совершенно закономерны. Анонимный автор статьи о Волконской в «Новом Энциклопедическом Словаре» ищет объяснения ее идейным противоречиям исключительно в особенностях ее характера: «высокоодаренная, не находившая удовлетворения в светской жизни, но в то же время

крайне впечатлительная и увлекающаяся, она переходила от идей Руссо к изучению народности, от русской старины к католицизму¹³. Чрезмерной личной экзальтацией объясняли ее жизненный путь и современники; но дело, конечно, гораздо сложнее, истоки коренятся в другом. Эти истоки—в той духовной атмосфере, в которой складывалась и формировалась ее личность; она воспитывалась в среде французских эмигрантов, и их влияние осталось неистребимым на всю жизнь,—из под власти их идей она никогда не сумела выбиться и потому-то не сумела стать прочной и верной союзницей новых сил даже в своей социальной среде—среде дворянской интеллигенции. Эти истоки становятся особенно ясными в свете материалов строгановских альбомов,—ранние интересы и творчество княжны Белосельской помогают, в значительной степени, осмыслить позднейшее творчество и позднейший путь княгини Зинаиды Волконской.

В альбомах она представлена очень богато и прозой и стихами. Несколькo пьес, записанных здесь, вошло позже в посмертное издание ее сочинений, например, «La musique»—по преданию, необычайно восхитившая М-те де Сталь. В настоящей публикации мы воспроизводим три послания: к М-те де Сталь, к артистке Жорж и к Спада (в собрании ее сочинений опубликованы две аналогичные пьесы: «A Madame Philis Andrieux» и «A Mademoiselle Mars»), и стихотворение «Бабочка».

СТИХОТВОРЕНИЯ КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА

STANCES SUR LE TEMS

Le rapide torrent du tems inexorable
A dépouillé mon front des roses du printemps,
Bientôt de mon été la saison peu durable
Cédera sans retour à l'hiver de mes ans.

Une secrète terreur s'empare de mon âme
A l'aspect effrayant de ce tems de douleurs,
Je le vois de mes jours prêt à couper la trame,
Je le sens qui m'entraîne et me glace le cœur.

Le Zéphire agitant un feuillage mobile
Annonce à ma saison son invisible cour.
Le fleuve qui s'écoule et paroît immobile
Peint le tems qui nous trompe et qui fuit pour toujours.

Il est dans le cerveau du sage qui médite,
Il coule avec le sang dans les moindres vaisseaux,
Et chaque battement du cœur lorsqu'il palpite
Est un pas de ce dieu qui nous pousse au tombeau.

Il échappe à l'esprit qui cherche à le comprendre,
Et l'esprit toutefois sert à le mesurer
Il est entre les mots que ma voix fait entendre
Et que j'arrange en vain sans pouvoir l'expliquer.

Comme un spectre effrayant au bout de la carrière
Je découvre la mort sans pouvoir l'éviter,
Je vois que rien n'échappe à sa faux meurtrière
J'en approche sans cesse et ne puis m'arrêter.

Ainsi le matelot, victime du naufrage
 Poussant vers sa patrie un funeste soupir
 Regarde en frémissant au milieu de l'orage
 La vague qui s'avance et qui va l'engloutir.

Перевод:

СТАНСЫ О ВРЕМЕНИ

Потока времени упрямое стремленье
 Смывает с щек моих роз первых вешний цвет,
 И лета моего короткое мгновенье
 Уж скоро сменится зимой увядших лет.

Владеет тайный страх унылою душою,
 Когда пред ней, грозясь, лик времени встает,
 Оно меня влачит насильно за собою
 И, сердце леденя, у Парки нитки рвет.

Зефир, волнующий трепещущие травы,
 Невидимую смерть мне шелестом вестит.
 Река, текущая незримо вдоль дубравы,
 Подобно времени—бежит и не бежит.

Мысль мудреца оно раздумьем наполняет,
 Оно течет в крови сквозь сеть мельчайших жил,
 И сердца каждый вздох, который грудь стесняет,
 Шаг божества, что нас толкает в сень могил.

Людскому домыслу оно едва понятно,
 Хоть ум кидает лот в его бездонный ров.
 Оно—в моих словах, произносимых внятно,
 Но облакаемых в туманности стихов.

Смерть страшным призраком встает передо мною,
 Куда б ни повела меня моя стезя:
 Все скашивает смерть убийственной косою,—
 А я все ближе к ней, и шаг сдержать нельзя.

Не так ли и матрос в просторах океана
 Взывает к родине, крушенье потерпев,
 И видит, трепеща, средь бури и тумана,
 Как, налетев, волна пред ним разверзла зев!

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

1

Cette couronne parfumée sur ma tête chénuе devient l'auréole d'un demi-dieu. Je suis heureux! Je suis du banquet de [illisible].

2

J'ai aimé, j'aime et j'aimerai encore! Toujours! au delà de la vie: le souffle des ans fait rider mon front, mais mon cœur n'a point d'âge.

3

Que dis-je d'amour! Je ne veux point aimer aujourd'hui. Je vois que j'aimerai trop, beaucoup trop: et je mourrai sous le poids du respect et du silence.

4

Amour! Je t'ai vu. Viens naître sur la tendre fougère, tu étais si vif, en ouvrant tes yeux si inquiets, si pétulant dans les langes, que Vénus t'abandonna à ton humain volage.

5

Elle détache d'une rose la feuille la plus rebondie et l'attelant de deux papillons fougueux te plaça dedans: et vogue la nef dans les airs!

6

Un grand vent s'éleva et faible comme Icar tu tomba du ciel... dans mon cœur; et ta feuille rose et tes papillons coulèrent dans celui de Corinne. Voilà pourquoi Corinne est si fraîche et si légère et moi si ardent.

Перевод:

1

Этот душистый венок на моей седой голове превращается в ореол полубога. Я блажен! Я на пиршестве у [нерзб.].

2

Я любил, люблю и буду вечно любить! Всегда!—даже за гранью жизни: дыхание лет покрыло морщинами чело мое, но возраста мое сердце не знает.

3

К чему говорю о любви? Я не ищу любви теперь: я чувствую, что полюблю чрезмерно, более, нежели чрезмерно, и угасну под бременем благоговения и безмолвия.

4

Любовь! Тебя узрел я. Родившись на нежном папоротнике, ты была так резва, едва разомкнув свои жадные вежды, так неуемна уже в пеленах, что Венера тебя оставила человеческому непостоянству.

5

Она срывает с розы самый выпуклый лепесток и, запягши в него две летуны-бабочки, посадила тебя внутрь: плыви, ладья, по воздуху!

6

Вихрь поднялся, и, слабая, как Икар, ты упала с небес... в мое сердце; и твой розовый лепесток и бабочки твои утонули в сердце Коринны. Вот почему Коринна так свежа и нестойка, а я так пылок.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ

A MADAME DE STAEL EN LUI RENVOYANT CORINNE

Que j'aime à retrouver dans vos recits* touchants
L'empreinte de ce feu qui penetre Votre âme!
L'imagination de ses ailes de flamme
Traverse les climats qu'ont illustrés vos chants!
Salut! Belle Italie! à toi dont la parure
Reunit tous les dons epars dans la nature,

* В оригинале описка: cerits.

Et se compose tour à tour
 De fleaux de souvenirs, de regrets et d'amour!
 Corinne! je te suis dans ces ruines sombres
 Au pied de ces volcans qui enivrent leur fureur
 Alors que ton pinceau nous trace tes douleurs,
 Et peuple ces déserts de magnifiques ombres!
 Je n'ai point comme vous de ces bards enchanteurs
 Epruvé la noble influence,

ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ
 Рисунок Д. В. Веневитинова
 Музей Пушкина, Москва

Dans le sein des frimats s'écoula mon enfance,
 Chez nous l'astre du jour n'est pas le Dieu de vers,
 Le luth languit sans harmonie.
 Aussi la fleur éclore au milieu des hivers
 Exhale en s'entrouvrant un vain souffle de vie.
 C'est à vous de chanter, à vous dont le génie
 Sous un ciel libéral a pris un libre cours.
 La gloire Vous reclame, et l'amitié fidelle
 Qui voudroit seul occuper tous vos jours
 Vous offre en soupirant une palme immortelle.

Перевод:

К МАДАМ ДЕ СТАЛЬ, ВОЗВРАЩАЯ ЕЙ «КОРИННУ»

Как любо узнавать за вашими словами
 Мне вновь ту пламенность, что душу вам зажгла,—
 Огонь фантазии, раскинувшей крыла
 Над далями страны, изображенной вами!
 Привет, Италия!—Природный твой убор
 Собрал всю красоту, какой взыскует взор;
 Твои сокровища богаты
 И памятью любви, и горечью утраты.
 Коринна! Вслед тебе, я—среди руин, чья мгла
 Ведет к подножью гор, где лава клочкотала,
 Где кисть твоя печаль души запечатляла
 И гордый сонм теней в пустыню привела.
 Мне не дано, как вам, изысканных певцов
 Великолепное наследство:
 В стране морозных вьюг я проводила детство,
 У нас светило дня не жалует стихов,
 И лира чужда сладким звоном,
 И цвет, раскрывшийся на воздухе студёном,
 Едва-едва дохнув, уже увясть готов.
 Так! Петь—не мне, а вам, чей гений знал покров
 Сочувственных небес и взыскан был судьбою!
 Вас слава требует! А дружба, что одна
 Хотела б ваши дни заполнить собою,
 Вздохнув, бессмертный лавр вам поднести должна!

VERS A MADemoiselle GEORGE¹⁴

Quelle est cette beauté, qui des bords de la Seine,
 Pour enchanter nos cœurs arrive en ces climats?
 La grâce, les accens, le port de Melpomène,
 La puissance d'Armide et ses divins appas,
 De l'orner, tour à tour se disputent la gloire,
 Et charment à l'envie notre esprit enchanté!
 Voulez-vous décerner le prix à la beauté!
 Le talent, aussitôt remporté la victoire;
 Elle sait de l'amour peindre tous les Revers,
 Soit Phèdre sans espoir à ses remords livrée,
 Ou soit Semiramis par l'espoir éivrée:
 Son front est le miroir de ces combats divers.
 De mille passions elle emprunte l'organe;
 Et son art ravissant lui fait prendre soudain
 Avec l'ancien Palla* le courage Romain,
 Avec le fier turban le cœur d'une Ottomane.
 Apollon! Dieu des Vers! échauffe mes accens!
 Soutiens ma faible voix pour chanter tant de charmes
 Retracer moi ses traits, ces yeux étincellans,
 Ces yeux qui brillent même appesantis de larmes...

* Palla—habit des femmes romaines.

Mais que dis-je?.. il faut être un de ces immortels
Dont elle rend si bien les chefs-d'œuvre tragiques,
Et pour oser semer des fleurs sur ses autels.

Перевод:

К М-ле ЖОРЖ

Кто та красавица с берегов далекой Сены,
Прибывшая сюда нам чувства чаровать?
В ней голос, грация и поступь Мельпомены,
Армиды мужество и женственная стать
Ведут друг с другом спор, кому из них дарами
Она обязана? Мы рукоплещем все,
Но лишь надумаем воздать хвалу красе,
Как гений празднует победу сам над нами.
Все облики Любви являет нам она:
Вот—Федра, в ком живут и ужас, и обида!
Вот опьяненная мечтой Семирамида!
Челом ее борьба страстей отражена,
И в огненности чувств и в гордости осанки
Воплощены ее искусною игрой
Отвага Римлянки под паллою простой,
Под пышною чалмой—неистовство Турчанки.
Феб! Бог поэзии! Мой стих одушеви!
Да не ослабнет он пред этою красою,
Да воссоздаст и лик, исполненный любви,
И взор, не прячущий сверканья за слезою!
Что смею говорить?! Я—не из тех певцов,
Чьи дивные она передает творенья,
Чтобы осмелиться слагать ей песнопенья
И к алтарям ее нести венки цветов.

COUPLETS A SPADA

(Sur l'air: «Aussitôt que la lumière»)

1

Aussitôt que la chandelle,
Vient éclairer mon manoir;
Je m'assieds dans ma ruelle,
Et j'y lis matin et soir;
Mes biens surpassent les vôtres,
J'ai des livres,—et puis rien...
Mais cherchant l'esprit des autres,
N'y perdrai-je pas le mien?..

2

Gloire à ma Bibliothèque!
Elle vaut un coffre-fort;
Milton, Le Tasse et Sénèque
Donnent le mépris de l'or.
En effet que sert de vivre,
Quand on n'a pas de bouquins?..
Moi, j'aime mieux un seul livre,
Que mille livres ster!ings!

3

Je désire qu'on m'enterre
 Dans un tas de manuscrits;
 Et qu'on grave sur ma bière:
 «Ci-gît un Liseur sans prix.
 «Las! Le mangeur de volumes,
 «Ne peut plus lire, dit-on,
 «De ses ouvrages posthumes
 «La dernière édition».

Перевод:

К СПАДА

(На мотив: «Лишь забрезжит свет...»)

1

Лишь свеча, в тиши пылая,
 Осветит приюток мой,—
 Я сажусь за стол, читая
 Одиноко в час ночной.
 Я—богач, как там ни числи:
 Книги есть,—чего ж желать?
 Но, копя чужие мысли,
 Мне б своей не потерять!

2

Исполать, библиотека!
 Что мне золота сундук?
 Мильтон, Тассо иль Сенека—
 Человеку лучший друг!
 Для чего нам жизни миги,
 Если книг на полке нет?
 Ни одной не дам я книги
 И за тысячу монет!

3

Пусть же прах мой, коли стою,
 В манускриптах погребут
 С эпитафией такою:
 «Редкий чтец положен тут.
 «Только сей глотатель знанья
 «Не прочтет уж ничего
 «Из посмертного издания
 «Сочиненья своего».

LE PAPILLON

Ce sont petits cadeaux qui font les grands amis:
 L'Amitié vit de peu, rien est beaucoup pour elle,
 Et qui plus est, entre gens bien unis,
 Riches cadeaux seroient un sujet de querelle;
 Mais ce n'est point ici le cas.
 Deux bonnes sœurs s'aimoient d'une amitié fidèle:
 L'une étoit brune, elle avoit des appas,

Et l'autre, quoique blonde, étoit loin d'être belle;
 L'une étoit mariée, et l'autre demoiselle.
 L'une avoit des bijoux, et l'autre n'avoit pas.
 L'ainée, un jour, assise à sa toilette,
 Se souvient que c'étoit la fête
 De sa sœur: aussitôt elle ouvre son écrin,
 Cherche longtems et trouve enfin
 Un papillon, non tel que dans la plaine,
 On en voit poursuivi par de petits enfants,
 Ni comme ceux qu'on voit sur les fleurs du printems:
 Ce Papillon, d'un grand est la frappante image,
 Il brille, soit; mais vit dans l'Esclavage,
 Son dos est chargé de Brillans,
 Petits, a dire vrai, mais gentils et luisants;
 Les ailes sont parsemées
 Ou pour mieux dire clair-semées;
 «Tenez ma sœur, voilà mon cadeau prêt:
 «Venez parer en votre tête».

Aussitôt accourt la cadette,
 En poudre jaune, en grand toupet;
 Sauté au cou de sa Sœur; mais celle ci l'arrête,
 Et lui dit en l'embrassant:
 «Ma sœur attendez un moment;
 «J'ai réfléchi dans ma sagesse,
 «Et trouve ce présent trop riche, oui, tout de bon,
 «Le luxe gâte la jeunesse».

Vite, elle prend le pauvre papillon,
 Lui casse une aile avec adresse,
 Puis l'autre; d'un seul geste sans façon,
 Le métamorphose en Chenille,
 Et remet à sa sœur l'insecte mince et long
 Perché sur une longue aiguille.
 Notre blonde d'en fut dit-on,
 Ni plus riche, ni plus jolie;
 Mais contente elle fut, et c'est tout dans la vie;
 Nos deux sœurs savoient fort bien,
 Qu'un rien est tout, donné par une main chérie;
 Ce présent eut été trop beau pour une amie,
 La belle Brune, aussi, sut reduire le sien,
 Dans un clin d'œil a presque rien.

Перевод:

БАБОЧКА

Пускай безделки нам порой дарят друзья:
 Для дружбы истинной и малое уж много,
 А сверх того добавлю я:
 В подарках попышней—лишь ссоры да тревога.
 Но не об этом мой рассказ:
 Дружили две сестры, и дружбою счастливой;
 Одна—брюнеточка, собой весьма видна,

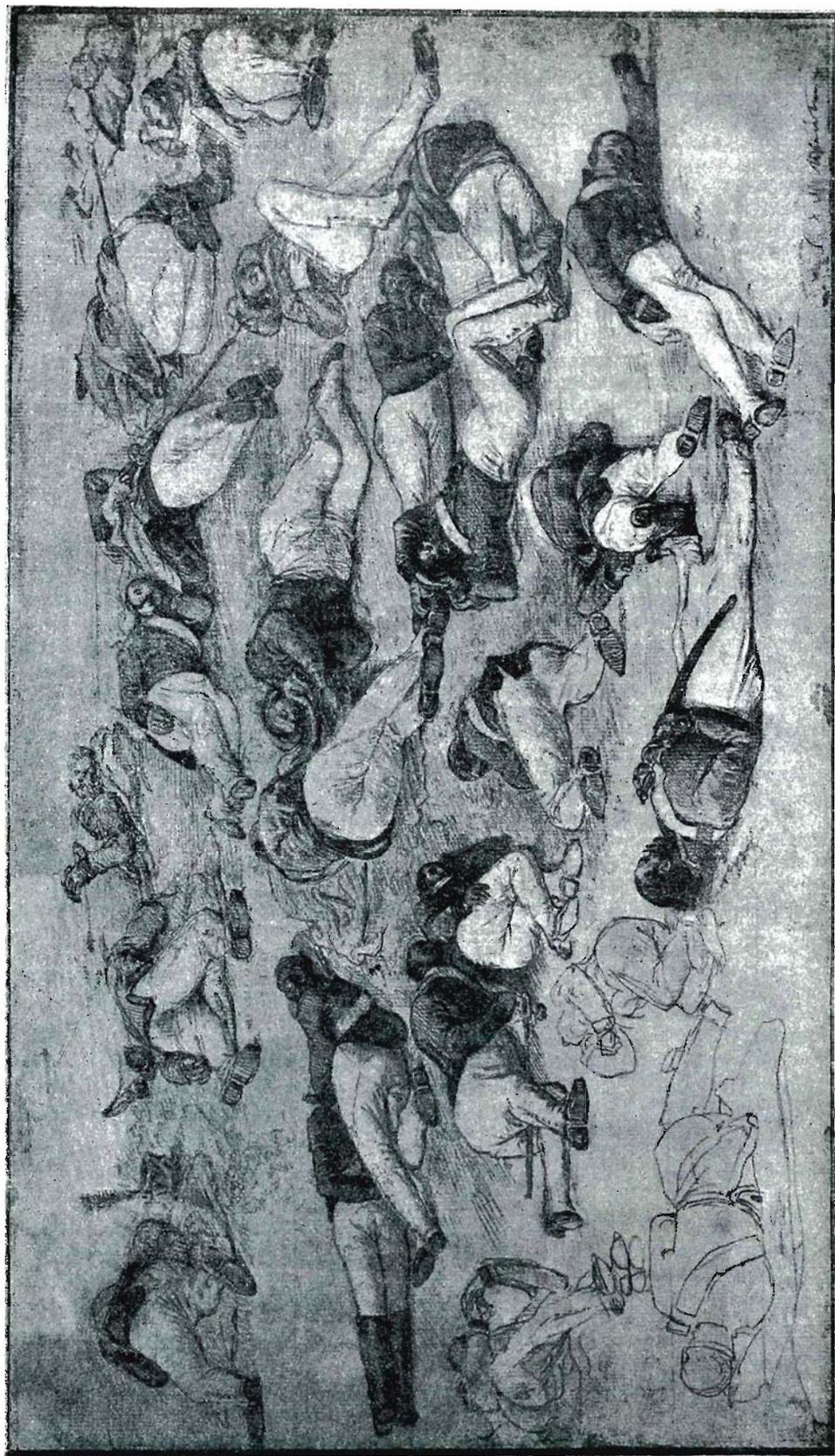
Другую, русую, нельзя назвать красивой.
 Та—замужем; а эта—в девках, что не диво!
 Та—в драгоценностях, а эта—так бедна!
 Раз как-то старшая в роскошном будуаре
 В день именин сестры подумала о даре,—
 И вот, не мешкая, она взяла ларец
 И, в нем порывшись, наконец,
 Достала бабочку, да не такую,
 За коей гонится по лугу детвора,
 Порхающую там по всем цветам с утра:
 Нет, в этой символ был людской богатой доли,—
 Она блистательна, зато живет в неволе,
 Камней на спинке не сочтешь,
 И крылья светятся огнями,
 Семиждыцветными камнями.
 «Сестрица, погляди: подарок мой готов!
 «Укрась им локон златокудрый!»
 Уж, взбивши волосы в налете желтой пудры,
 Меньшая бросилась на зов,
 На шею кинулась,—но дама спохватилась
 И, младшую прижав к груди:
 «Постой, сестрица, погоди,—
 «Я в пользе дара усомнилась.
 «Подарок слишком щедр, он принесет лишь зло,—
 «Для девы в роскоши есть что-то роковое...»
 Тут бабочку она схватила за крыло
 И, оборвав его, вцепилась во второе.
 Пред изумленную сестрой
 Вот в гусеницу вмиг свой дар преображает
 И так ее сестрице возвращает,
 Чуть прикрепленную к булавке золотой.
 Ну, что ж,—от этого Блондинка наша
 Не стала ни достаточней, ни краше,
 Но рада все ж была,—чего же больше ей?..
 Сестрицы знали: в жизни сей
 Пустяк от сердца—всех богатств дорожел!
 Подарок, правда, был излишне щедр, но все же
 Ведь и себе самой Брюнеткой нанесен
 Подобным действием изряднейший урон!

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Библиотека графов Строгановых в Томском университете».—«Русский Библиофил», 1914, II, 5—10. Очерк подписан инициалом «N», но, как указано в примечании, он составлен по материалам, сообщенным библиотекарем Томского университета А. И. Милютиним, которым написана и часть текста.

² С. Д у р ы л и н, Русские писатели у Гёте в Веймаре, глава VI. Люди 14 декабря—Гёте. II. Аристократ декабристских настроений у Гёте в Веймаре.—«Литературное Наследство», № 4—6, 404—420.

³ «Русский Библиофил», 1914, II, 11—14. Они частично описаны в упомянутой выше статье А. И. Милютина. Описание не полно и изобилует крупными ошибками. А. И. Милютин путает А. М. и В. Л. Пушкиных, принимает за разных лиц княжну З. А. Белосельскую и княгиню З. А. Волконскую, пропускает совсем Ксавье де Местра и т. д.

СПЯЩИЕ СОЛДАТЫ
Рисунок Ксавье де Местра
Музей изобразительных искусств, Москва

⁴ *S r a d a* Антуан (ум. 1843)—австрийский (из Пьемонта) подданный; бывший аббат, отказавшийся от сана во время революции, в 1801 г. эмигрировал в Россию и был учителем в доме кн. Белосельского-Белозерского. В 1812 г. он получил место почетного библиотекаря Императорской публичной библиотеки. Вскоре же по приезде в Россию начал работать над сочинениями по русской истории. Первоначально он хотел издать (на французском языке) историко-биографический словарь русских государственных деятелей, но это предприятие ему не удалось завершить. В 1816 г. вышло четыре тома его «Эфемерид»—обширного сочинения, цель и характер которого отчетливо определяются самим заглавием: «*Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques présentant dans l'ordre des jours de l'année un tableau des événements remarquables qui datent de chacun de ces jours dans l'histoire de la Russie jusqu'en 1816*»,—другими словами, то был своеобразный опыт изложения истории по дням календаря. Каждый день отмечался каким-либо историческим событием. Под 22 сентября 1815 г. отмечена смерть барона Александра Сергеевича Строганова: «*Mort de M. le baron Alexandre Stroganoff, conseiller privé, chambellan, chevalier de l'ordre de Ste Anne de la première classe, décédé dans la 43 année de son âge*». С 1819 г. жил в Одессе, преподавал в Ришельевском лицее французский язык и французскую литературу, позже служил в Одесской публичной библиотеке и был цензором; с 1833 г. заведывал Одесским музеем древностей.

⁵ «Русский Библиофил», 1914, III.

⁶ См. о нем очерк В. А. Верещагина.—«Русский Библиофил», 1916, I.

⁷ Как известно, Павел Строганов был в Париже во время революции, был увлечен ею и даже вступил в члены Клуба якобинцев,—это давало повод говорить о крайне левых позициях молодого Строганова, однако, в данном вопросе налицо некоторое нарушение перспективы, так как Клуб якобинцев в период августа—декабря 1790 г., когда Строганов был его членом, совсем не походил на то, чем он стал впоследствии. В это время он выражал взгляды конституционно-монархического большинства Национального собрания, а «простонародный» элемент был, напротив, исключен из клуба (см. А. О л а р, Очерки и лекции по истории Французской революции, 1908, 33—35).

⁸ А. И. Н е к р а с о в, К вопросу о литературных источниках «Кавказского пленника» Пушкина. (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности ак. А. С. Орлова, Л., 1934, 153—163). Здесь дана сводка биографических и библиографических данных о Ксавье де Местре. В дополнение отметим недавнюю работу: F. B a l d e n s p e r g e r, *Le mouvement des idées dans l'émigration française*, P., 1924.

⁹ Родной дядя А. С. Строганова, Александр Николаевич Строганов, был женат на Елизавете Николаевне Загряжской. Пушкин, женившись на Н. Н. Гончаровой, стал также в родственные отношения к Ксавье де Местру и его жене, так как последняя была родной сестрой (по отцу) теще Пушкина, Н. И. Гончаровой. Это обстоятельство осталось неучтенным А. И. Некрасовым в названной выше его статье, где он тщательно подбирает факты в защиту неизбежности литературного знакомства Пушкина с Ксавье де Местром. Были ли они лично знакомы, сказать трудно, так как с 1825 по 1839 гг. Ксавье де Местр жил в Италии, но с родными Пушкина он был знаком: известный миниатюрный портрет Н. О. Пушкиной (матери поэта) рисован Кс. де Местром.

¹⁰ См. библиографию о ней в книгах: Е. Г. В о л к о н с к а я, Род князей Волконских, СПб. 1900, 716; Г. Г е н н а д и, Справочный словарь русских писателей и ученых. 1725—1825, Берлин, 1876; С. Н. Д у р ы л и н, Русские писатели у Гёте в Веймаре, глава VII. Московские любовницы у Гёте.—«Литературное Наследство», №4—6, 1932, 477—481; см. также А. Л и н н и ч е н к о, Речи и поминки. Од. 1914, 54—65.

¹¹ «Архив Декабриста», П., 1918, XLI.

¹² В 1826 г. З. Волконская выпустила отдельной брошюрой кантату Александру I, где писала:

Брат ратникам и вождь любимый,
Смиранный, непоколебимый,
Посредник праведный, на троне человек!

Эту кантату она послала также и Гёте.—«Лит. Наследство», № 4—6, 481.

¹³ «Новый Энциклопедический Словарь», XI, 410.

¹⁴ *M-lle Ж о р ж*—сценический псевдоним знаменитой французской актрисы Маргариты-Жозефины Веймар (1786—1867). В России *M-lle Жорж* была в 1808, 1809, 1812 г. и позже, в 40-х годах. Данное послание относится, очевидно, ко времени первого приезда ее в Россию, так как в оригинале оно подписано «*par la Princesse Z. Bèloselsky*» (замуж за кн. Волконского Зинаида Белосельская вышла только в 1811 г.) и включено в состав альбома «*Pot-pourri 1808*».